

Д. С. М Е Р Е Ж К О В С К И И
З. Н. ГИППІУСЪ / Д. В. ФИЛОСОФОВЪ
В. А. ЗЛОБИНЪ

ЦАРСТВО АНТИХРИСТА

1 9 2 1

DREI MASKEN VERLAG, MÜNCHEN

ПРЕДИСЛОВІЕ

Нѣкоторыя статьи этой книги написаны около полугода тому назадъ. И протекающее время не только не опровергаетъ моихъ положеній, — оно ихъ подтверждаетъ.

Точка зрѣнія, съ которой въ книгѣ разсматриваются явленіе большевизма и событія Европы, позволяетъ видѣть внутреннюю ихъ логику и предуказывать, въ общихъ чертахъ, ихъ теченіе. Намъ, современникамъ, особенно трудно проникнуть въ главный смыслъ происходящаго; у насъ нѣтъ перспективы, мелкое порою заслоняетъ отъ насъ крупное, случайное и обманное покрываетъ истину. Понять, или хотъ приблизиться къ пониманію происходящаго въ его сути, уловить единую линію, можно лишь ставъ на самую глубокую точку зрѣнія — религиозную. Подъ этимъ вѣчнымъ знакомъ и написаны статьи моей книги.

Европа жасидетъ мира и спокойнаго труда. И обманываетъ себя, думая, что можетъ достигъ успокоенія, пока Россія задыхается подъ игомъ новыхъ варваровъ. Обманываетъ себя, считая, что можетъ экономически преуспѣвать, пока цѣлый сосѣдній народъ вымираетъ отъ голода, убѣждая себя, что застрахована отъ внутреннихъ потрясеній, хотя у III Интернаціонала есть такая база, какъ Россія. Обманываетъ себя, ибо закрываетъ глаза на религиозную сущность властвующаго въ Россіи Интернаціонала, на главный принципъ его, отъ котораго онъ можетъ отказаться, лишь переставъ существовать.

Рано или поздно Европа это пойметъ. Мы хотѣли бы вѣрить, что пойметъ не слишкомъ поздно.

Въ книгѣ, въ моихъ статьяхъ, я и теперь не могъ бы измѣнить ни одного слова. Есть лишь одна частность, о которой хочу упомянуть. Это моя обманутая вѣра въ Польшу. Я вѣрилъ въ душу, сердце и разумъ братскаго польскаго народа. Я и теперь вѣрю въ его душу, если эта душа — безсмертный польскій мессіанизмъ. Но ослѣпленный разумъ Польши закрылъ ея душу и сердце. Миръ, который она подпсала съ большевиками — уничтожилъ или отдалилъ на долгіе годы миръ ея съ Россіей, такой насущно-необходимый обьемъ сосѣднимъ странамъ. Не видѣть этого можетъ только тотъ, кто не видитъ возможности воскресенія Россіи, или не хочетъ его.

И совесть не въ условіяхъ рижскаго мира дьяло, не дьявольскія, «выгодны они или нѣтъ для Россіи». Россіи нѣтъ, и не съ Россіей, а съ ея лютѣйшими врагами Польша заключила миръ, ужасъ для нихъ-то во всякомъ случаѣ, выгодный. Съ этой точки зрѣнія безразличны условія мира; существуетъ только одно: фактъ мира.

Я самый убѣжденный сторонникъ безусловной свободы самоопредѣленія народностей. Я совершенно увѣренъ, что если бы Польша отнеслась къ сосѣднему братскому народу сознательно, если бы она поняла смыслъ своей августовской побѣды, этого «чуда надъ Вислой», и черезъ дѣвѣ-три недѣли стала бы разговаривать съ Россіей (освобожденной) — эта Россія не стала-бы торговаться съ нею. Русскій народъ давно понималъ, что лучше имѣть малую территорию, чѣмъ никакой. Сейчасъ онъ не имѣетъ никакой: всѣ большевистскія.

Повторяю: мы, пережившіе и понявшіе большевизмъ въ Россіи, мы неизмѣнные и твердые сторонники свободной жизни и самостоятельности всѣхъ народностей, даже самыхъ мелкихъ. Всѣхъ, кто этой свободы пожелаетъ и пока будетъ находить возможнымъ и выгоднымъ для себя существовать самостоятельно. Это такъ ясно, и необходимость предоставленія свободы другимъ такъ очевидна для насъ, русскихъ, знающихъ цѣнность свободы, — что мы лишь можемъ удивляться опасному ослѣпленію многихъ въ Европѣ.

Не «территорій», не «границъ» не проститъ Польша будущая Россія; а самого мира съ ея палачами. Не проститъ и Польша Россіи: вѣдь мы труднее всего прощаемъ тому, кому мы сдѣлали зло. Не страшна-ли эта грядущая, длительная вражда — пусть даже не война, но вражда, -- двухъ народовъ, вражда вопреки разуму, требующему отъ нихъ мира и дружеской любви?

Вѣра въ Польшу, которая диктовала мнѣ многія строки въ этой книгѣ, — превратилась нынѣ въ боль за Польшу. Я слишкомъ люблю ея сердце, — ея исторію, ея великихъ людей, Мицкевича, Красинскаго, Словацкаго, Товянскаго, — всю ея героическую борьбу, проходившую подъ четырехконечнымъ знакомъ — знакомъ Креста. И вотъ, на порогъ своего возрожденія Польша Кресту измѣнила. Не предстоить-ли ей Голгоза новая?

Подъ вѣчнымъ знакомъ Креста нынѣ начинается медленное, тяжкое, но крѣпкое возстаніе Россіи изъ непа. Это уже не вѣра наша — это мы знаемъ, это дѣйствительность. Какковы бы ни были времена и сроки, обѣщаніе не обманетъ. Третья, новая, свободная, святая Россія — идетъ.

Іюнь, 1921 г.

Парижъ.

Д. М.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ
ЦАРСТВО АНТИХРИСТА
Большевизмъ, Европа и Россія

I

«Большевизмъ и Россія», — если такъ ставился вопросъ еще недавно, то теперь уже не такъ. Не «большевизмъ и Россія», а «большевизмъ, Европа и Россія», — вотъ какъ сейчасъ онъ поставленъ всемірно-историческими судьбами, русскими и европейскими.

Между нынѣшней Россіей, большевистскою, и Россіей будущей, освобожденною, Европа, хочетъ того или не хочетъ, будетъ вдвинута. Сколько бы не отрещивалась отъ «вмѣшательства», — рано или поздно, вмѣшается, вдвинется.

Какъ интернаціоналенъ, въ существѣ своемъ, въ Интернаціоналѣ, самъ большевизмъ, такъ и борьба съ нимъ должна быть интернаціональною, всемірною. Когда послѣдній русскій національный фронтъ палъ или ушелъ въ глубь Россіи, въ неизбежную революцію, — это яснѣе, чѣмъ когда-либо. Национальный фронтъ палъ — обнажился фронтъ всемірный.

Этотъ часъ, когда я съ вами говорю, есть часъ всемірности, и это мѣсто, гдѣ я съ вами говорю, — есть мѣсто всемірности: Парижъ — городъ всемірный по преимуществу. Вотъ почему, если когда-либо, то отны-

нѣ, и если гдѣ-либо, то отсюда, борьба съ большевизмомъ должна сдѣлаться всемірною.

Да, между большевизмомъ и Россіей будетъ двинута Европа. Это очень трудно понять европейцамъ. Но, какъ имъ ни трудно, — мы, русскіе, должны сдѣлать, чтобы они наконецъ это поняли.

Европейцы этого не поймутъ, пока мы, русскіе, сами не поймемъ, что большевизмъ можетъ быть побѣжденъ только «Третьей Россіей».

Что такое Третья Россія?

Россія первая — царская, рабская; Россія вторая — большевистская, хамская; Россія третья — свободная, народная.

Но, прежде чѣмъ говорить о существѣ Третьей Россіи, должно сказать о ведущихъ къ ней путяхъ.

На этихъ путяхъ все русское изгнаніе, русское «разсѣяніе», уже подобное великому разсѣянію Израиля — diaspora — дѣлится на-двое: на знающихъ и не знающихъ о томъ, что сейчасъ происходитъ въ Россіи.

Не застигнутые полднемъ большевистскаго ужаса въ самой Россіи, успѣвшіе бѣжать, — не знаютъ всего, а не знаютъ объ этомъ всего — ничего не знаютъ. Кто этого самъ не видѣлъ, не испыталъ, не пережилъ, тотъ никогда ничего не узнаетъ.

Между знающими и незнающими — черта, подобная чертѣ смерти: живые — мертвыхъ, мертвые живыхъ не разумѣютъ. «Между нами и вами утверждена великая пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, также и оттуда къ намъ не переходятъ». Мы и вы — тотъ свѣтъ и этотъ.

О томъ свѣтѣ мы вамъ ничего сказать не можемъ. Между нами и вами — стѣна стеклянная. Вы видите, слышите, но не осязаете главнаго. Главное

свойство того, что сейчас происходит въ Россіи — нѣмота, несказанность, неизреченность ужаса. Люди сострадаютъ страданію малому и среднему; слишкомъ большому сострадать уже не могутъ, потому что не видятъ его: такъ ультрафіолетовыхъ лучей не видятъ глазъ. Вся Россія сейчасъ — въ такихъ лучахъ страданія невидимыхъ.

Кто знаетъ все, что сейчасъ происходитъ въ Россіи, — у того не рана въ душѣ, а вся душа — рана; тотъ человекъ съ содранной кожей. «Ничего, обрастешь, забудешь», говорите вы, незнающіе; а мы говоримъ: не хотимъ обрастать, не хотимъ забывать. Будь мы прокляты, если забудемъ!

«Воскреснетъ же когда-нибудь Россія, — подождемъ», говорите вы: а мы говоримъ: никогда не дождется Россіи тотъ, кто ждалъ.

«Лучше большевики, чѣмъ то или это», говорите вы, а мы говоримъ: лучше все, чѣмъ большевики.

Для ихъ сверженія вы готовы жертвовать тѣмъ или этимъ, а мы — всѣмъ. Съ тѣмъ или этимъ вы у нихъ соглашаетесь; а мы — ни съ чѣмъ. Вы — мирящіеся; мы непримиримые.

«Не вмѣшивайтесь въ русскія дѣла», говорите вы, а мы говоримъ: невмѣшательство противъ большевиковъ — вмѣшательство за нихъ.

Невмѣшательство — соглашательство — предательство, русское и всемірное.

Кто предалъ Россію большевикамъ и вотъ уже три года предаетъ? Соглашатели — Ллойдъ-Джоржъ одинъ, и Ллойдъ-Джорджи безчисленные; Керенскій одинъ — и безчисленные Керенскіе. Если Керенскій вернется въ Россію, то какъ встрѣтятъ его? Растерзаютъ? Нѣтъ, онъ самъ рассыплется прахомъ.

Кто торговался о Россіи «единой, недѣлимой» и мертвой, забывъ о Россіи живой и расчлененной, растерзанной? Все вы-же, соглашатели, русскіе и всемірные.

Еще оттуда, изъ нашего гроба, погребенные живо вмѣстѣ съ Россіей, мы торгъ этотъ слышали, во время наступленія Колчака, Деникина, Юденича, — торгъ о Польшѣ, Финляндіи, Эстоніи, Латвіи, и каждое условіе торга вколачивало лишній гвоздь въ нашъ гробъ. Нѣтъ, этого мы вамъ никогда не забудемъ за себя и за всѣхъ, кто остался въ Россіи. Будь мы прокляты, если забудемъ, — говоримъ о себѣ. Говоримъ и о васъ: будьте вы прокляты, уже забывшіе!

Да, соглашатели суть предатели, пусть невинные, честные, благородные, но все же предатели, — вѣдь, главное свойство Керенскихъ и есть сочетаніе благородства съ предательствомъ.

Русскій Парижъ — городъ соглашателей. Но не весь. Если бы весь, то съ нимъ и говорить бы не стоило. Я съ вами говорю, потому что вѣрю, что тамъ, гдѣ есть русскіе люди, есть и люди съ содранной кожей, незаростающей; тамъ, гдѣ есть русскіе люди, есть и помнящіе все, что сейчасъ происходитъ въ Россіи; не соглашатели, не предатели, — враги большевиковъ непримиримые. Я съ вами говорю, потому что вѣрю, что среди васъ непримиримыхъ много, и будетъ все больше; а когда будутъ всѣ, тогда большевизму конецъ, тогда будетъ Третья Россія.

Непримиримость — вотъ въ Россію Третью путь единственный. Кто сошелъ съ него, тотъ въ нее не войдетъ. Не войти въ Россію, не имѣть въ ней части — казнь мирящихся.

Мириться можно со зломъ относительнымъ, съ аб-